

Ольга ШИЛЬКОВА

МАТУШКА БОГОРОДИЦА ЗОВЁТ К СЕБЕ В ХОСПИС

(Письма к подруге)

1

Здравствуй, Танечка!

Как только голова прояснится, напишу примерно так. Уже и забыла, о чём я шла и думала по дороге домой. Наверное, начала с мужей. Было у меня два мужа, но я была несчастна. Хотя Господь от одного послал мне дочь, а другой подарил неведомый край Армению и подал безотказную руку помощи в моём теперешнем счастье-несчастье, часто жертвуя своим отдыхом и терпя всяческие неудобства в связи с моими поездками.

Была у меня семья, но я была несчастна. Хотя моя верующая бабушка дарила мне своё тепло и свет до шести лет. Очень жаль, что она покинула меня так рано. Но на всё воля Божия.

Были мама и папа. Папа любил меня, а я тихонько его. От мамы я шарахалась.

И были в семье четыре брата. Два любимых, один ни так ни сяк, а четвёртого я ненавидела. Жизнь шла своим чередом. Два любимых брата умерли. Одного из них я успела невзлюбить, потом простить и похоронить. Остался брат ни так ни сяк, но самый младшенький. Да пропавший без вести ядовитый. Младшенький измотал меня, а о старшеньком и не слышать. Но вдруг в «Одноклассниках» находит меня бывшая жена старшенького и приглашает погостить в Киргизии. Племянник у меня там.

Год назад я заболела и всего полгода ходила в храм. Исповедовалась, причащалась, но больше ничего не понимала. Мне там было холодно и неуютно. Все чужие.

Долго я собиралась в поездку, сомнения одолевала, а потом купила билет на поезд и поехала.

На автовокзале Бишкека меня встретили родственники почти с оркестром и повезли к себе в Чолпон-Ату. Меня никто и никогда так не ждал и не радовался! Необыкновенные люди! Жаль, что иноверцы. Но они не мешали ходить в храм и не навязывали своей веры.

Киргизия – это особое место! Православная церковь в мусульманском государстве сплачивается. Вот и я, приехав, увидела необыкновенных батюшек и

прихожан, с которыми подружилась при первой же встрече.

Потом было село Ананьево и о. Виктор. Там меня просто искупали в ЛЮБВИ... Какой батюшка, такой и приход. Я попала в хорошую семью и прожила там около десяти дней. Слава Богу!

Я очень захотела, чтобы и у нас был такой батюшка и приход! Мне нужны были такие же, как я: ничего не знавшие о православии. Увидела объявление и пошла на курсы богословия. Где проучилась два года. Там познакомилась с одним из руководителей литературной группы и получила приглашение приходить.

А однажды учительница по нравственному богословию спросила:

– Кому нужна работа?

– Мне. Только на два-три дня: пятница, суббота и воскресенье. Согласую с дочерью. Чтобы она училась, а я нянчилась с внучкой.

– Хорошо.

Так у меня появилась работа в храме. Да такая работа, словно я при храме и родилась. Много спрашивала и снова училась. Теория – одно, а практика – другое...

И вот теперь у нас самый лучший приход и самые лучшие батюшки. Благодаря Господу Богу и самому нелюбимому брату я попала в сказку, неведомую... Душа моя ликовала и пела.

157

2

Здравствуй, Танечка! Продолжение пока не получается. Хотя почему не получается? Вот мы часто сетуем, что это плохо, а почему плохо? Потому что больно душе и телу. Так вот, из-за старшенького болела моя душа, а в итоге обрела новую жизнь через страдания. Смерть – это боль. Только я так боюсь именно боли.

А потом там же, в Киргизии, в храме Божиим, заболело тело, да так невыносимо, что и ходить не могла. И снова подумалось: «Господи, за что, я же к Тебе пришла, хочу с Тобой быть, работатать для Тебя!» Но когда я через семь месяцев нашла причину боли, то была рада и поняла зачем. Потом ещё и ещё были потрясения и неудовольствия Божией волей. Но Господь-то всё знает наперёд, а мы нет. Только чем больше меня шмотало, тем быстрее начинали открываться глаза, и я уже знала, ЗАЧЕМ, но, конечно, не сразу.

Вторым по силе ударом был ХОСПИС. Когда доктор объявляет, что у вас нет никаких шансов и можете спокойно дожидать свои дни в хосписе либо дома. Врач в онкодиспансере поставила на мне крест.

Я сдаваться не собиралась и спросила её:

– А может, в Томске проконсультироваться?!

– Бесполезно.

«Может, кому-то и бесполезно, а мне полезно!» – подумала я.

Та боль, которая стучала в голову, ни о каком доме мне даже думать не давала. Поэтому хоспис – это самое доброе место для меня тогда и было. В этот раз я даже не кричала: «ПОЧЕМУ?!». Только мысли металась: «Зачем? Господи, зачем так болит?» В хосписе я попросила обезболивающее, чтобы съездить домой за вещами. На меня смотрели как на полоумную.

– Ну какие вещи? Завтра кто-нибудь привезёт, – сказала доктор.

– НЕТ, НЕТ! Хочу лично их собрать, я живу одна.

Уступили, увидев страх и какую-то загнанность в глазах. Дали две капсулы выпить при них. Боль вскоре стихла.

Доехав до дома, я тихонько начала собирать вещи. А потом, потом... Нет, ещё в дороге я вспомнила Ирину. В мае мы вместе лежали на химии, а на Покров Пресвятой Богородицы она умерла. Перед смертью мы с подружкой её навестили дома. Это зрелище было не для слабонервных. Она металась по дому и не находила покоя. В первый момент и не узнала меня. Потом прилегла, успокоилась, подружка гладила её голову. Там были метастазы, казалось, они двигаются и пожирают заживо мою Ирочку. За очень малое время мы успели подружиться. Она дарила мне маленькие подарки. У нас был один платок на двоих. Ирочка разрежала квадратный лоскут на две косынки для себя и для меня. Мы тогда были без волос и головы мёрзли. Она думала обо мне, заботилась. Подарила тёплые носочки. А я, я – НИЧЕГО. Ничего, кроме добрых слов и поддержки, не смогла ей дать. Думала, ещё есть время. Мы поедem в монастырь пожить... Но... Но всё случилось как случилось.

В последний момент перед нашим уходом Ирочка узнала меня и сказала:

– Что, уходишь уже? Ты приходи.

– Хорошо.

Следующая встреча состоялась на похоронах моей Ирочки. Теперь меня непрестанно тянет на её могилу, нужно помолиться. Ведь я обещала приходить. Но... Одна я не смогу найти тот холмик... Может, у меня ещё есть время выполнить своё обещание. Знаю, что душа на небесах, но я обещала прийти...

Вспомнив всё это... я пришла в ужас! Теперь это случится и со мной. Сколько можно жить с метастазами в голове? Сколько у меня времени осталось? Я буду такая, как она? А дикая боль? Я не могу терпеть боль! Не могу! Я прилегла, чтобы успокоиться, но начала умирать... Моё тело распадалось на молекулы... Было так страшно, что я непрестанно молилась и чувствовала, что меня сейчас, в данную минуту держит, как куклу на нитке, Сам Господь Бог. Было два часа ночи, когда приехала подружка и следом скорая.

Жизнь продолжалась. В хоспис я приехала с ноутбукom. Нужно было работать. Думаю, у них никогда не было таких умирающих больных.

Это всего лишь черновик. Думаю, что-то получится.

Здравствуй, моя Танечка! Прежде чем я попала в хоспис, у меня появился мой собственный Бог. Да, я знаю, что Господь один и на всех, но какая-то Его часть принадлежит мне и только мне. Я однажды спросила у напарницы (она у нас много знает), так вот я спросила:

– А можно, я Бога буду называть своим? Он мой?!

Не помню, что она ответила.

Так это и было. У меня был отец земной и Небесный. Земной лежал в земле и жил в моём сердце, а Небесный всегда есть и не перестаёт быть. Я жаловалась и плакалась Ему, каялась... А Он знал каждую мою ранку и царапину и помогал, и учил...

Батюшка не отпускал одну без группы в Дивеево, жалея меня. Он, рассердившись, спросил:

– Ну кто там тебе поможет?!

– Бог поможет! – не раздумывая, сказала я.

Так оно и выходило, когда я советовалась и просила помощи. Но когда я проявляла свою самость, то получала шлепок руки либо плётки.

Вручив Господу своё дальнейшее паломничество, я познакомилась с моей Танечкой. И она пригласила меня в гости, сказав, что покажет мне всё, что сама знает. Но болезнь подкосила силы, и я выбралась в поездку только через год.

Батюшка снова не хотел отпускать. Но я сказала:

– У меня сейчас есть эти две недели, а потом не знаю что.

И он отпустил, а вернее благословил.

О, это незабываемая поездка с проводником Божией воли. Танечка стала для меня всем, она кудахтала надо мной, как курица-наседка. И, как самая лучшая мама, однажды она меня отшлёпала словами, а я долго плакала и просила прощения. У меня никогда не было такой мамы. Теперь есть. Мы провели вместе эти чудесные пятнадцать дней, наполненные жизнью, любовью и радостью. Перед нами открывались все двери, и каждый получил от поездки, что нужно.

А всего через месяц после поездки – ХОСПИС. Для многих страшное и непонятное заведение, куда злые родственники сдают умирать несчастного. Переступая порог заведения, ты попадаешь туда, где властвует СМЕРТЬ.

Пока ждали врача, я успела поговорить с охранником и спросить:

– Скажите, а часто ли отсюда выписываются?

– Нет, очень редко, – сказал он, с жалостью посмотрев на меня.

Доктор наконец пришёл через полтора часа, и мы отправились в путешествие по новому, неизведанному миру. Переступив следующий порог, слева я увидела дверь храма-часовни в честь святой преподобномученицы великой княгини Елисаветы Феодоровны, Алапавской.

Я перекрестилась и вздохнула: «Слава Богу! Здесь есть вратарница».

Здравствуй, моя Танечка! Трудно писать, возвращаясь из небытия... Но это нужно, и прежде всего мне. Я хотела об этом писать и откладывала...

Привели в замечательную двухместную палату. Где соседка беспрестанно смотрела телевизор.

Доктор рассказала план лечения, в котором мы с дочерью ничего не поняли, кроме того, что ещё можно будет пожить без боли. А мне на тот момент ничего и не нужно было. Семья ушла с мокрыми глазами, а я осталась. Устроилась, и началось лечение, как доктор прописала. И всё бы ничего, но к вечеру меня стало штурмить, как подвыпившую, и, мало того, в моей голове началась борьба за право быть здесь двух миров. Схлестнулись два облака и более сильное стало теснить и глушить моё – часть меня. Я была в недоумении и пошла узнать у дежурного врача, в чём дело, какие препараты я получаю.

Он почему-то рассердился на мои вопросы:

- Вам называли все лекарства, что вы получаете!
- Я не помню!
- Нужно брать бумажку и записывать! Ф-ф-ф...
- Скажите мне ещё раз, и запомню!

Доктор сказал названия, и я скорее пошла их записывать и смотреть в интернете, что это.

Оказалось, что дают наркотик! В голове – невидимая война, в палате из телящика льётся негатив, который усиливал моего врага. Я надевала наушники, пытаюсь слушать псалмы, но... Пошла снова к дежурному врачу просить перевести в другую палату.

Человек спокойно, с усталостью посмотрел на меня и сказал:

- Пойдёмте! У меня есть одно место для вас.

И привёл меня в четырёхместную палату с умирающими старушками. Моя память заблокировала эти ощущения. Я просто молча повернулась и пошла в свою палату, в самую замечательную на свете палату! До двух часов ночи работал телевизор и, наконец, – ТИШИНА! Я заснула с большим трудом.

Утром принесли таблетки. Я спросила все названия и сказала, что вот эти я пить не буду.

- Я скажу доктору.
- Конечно.

Под личным присмотром медсестры я выпила остальные таблетки. Было ощущение, что нужно открыть рот и показать, а проглотила ли я их.

И вот обход. Мой лечащий врач стала ругаться. На что я ответила:

– У меня нет такой сильной боли, чтобы принимать наркотик. И пусть будет небольшая боль, буду терпеть. Я исповедываюсь и причащаюсь, во мне Господь, а Он против наркотиков!!!

Врач ушла, но наркотик продолжали приносить, а я отказывалась. В этот день я вспомнила о часовне и

расспросила персонал, как туда попасть. Проще просто: взять ключи у охраны. Взяв молитвослов, я спустилась на первый этаж. Оглядела: ничего особенного, подсобные помещения да кабинеты счетоводов. Ключи дали сразу. Открыла. Вошла и уткнулась в икону на алтарной стене. Меня встречала сама Елисавета Фёдоровна, Алапаевская. Поцеловав её ноги, я пошла дальше. Открылось пространство небольшой комнаты. Напротив алтаря: два подсвечника о здравии, посреди них икона праздника, правее, у окна, канун, где ставят свечи за упокой. Сделала три земных поклона Господу и хозяйке часовни Елисавете. Посмотрев налево от алтаря, увидела кресло и тумбочку с книгами. Уселась. Молитвослов и псалтирь у меня были. А больше ничего и не нужно.

Я так устала от того мира, на втором этаже, что просто сидела в прострации и отдыхала. Просто впитывала в себя, как губка, этот затхлый немного воздух, и вроде из ничего возрождался мой дух. Я смотрела на икону Господа на иконостасе и знала... Он здесь!!! Пришла в себя и подняла взор. Напротив меня висела огромная икона Богородицы «Знамение». Я никогда не видела таких икон! НАСТОЯЩАЯ!!! Господи, помилуй! Минуту-другую я смотрела на неё, а она на меня... Потом медленно встала и сделала три земных поклона Богородице. Подошла, прислонилась к Ней своей большой половиной лица и долго стояла, проникаясь чем-то добрым. Долго я там молилась, до самого обеда. Возвращаться обратно, во мрак жизни, не хотелось.

На дверях был телефон священника, я позвонила спросить о причастии. Ничего не получалось. День прихода батюшки совпал с моим отъездом. Утром я позвонила в Томск и записалась на консультацию.

После обеда в палату пришла психолог и стала расспрашивать о том о сём... Я сказала, что еду в Томск на консультацию. Она удивилась:

– Зачем??? А если вам там скажут плохое?! Как вы это перенесёте??!

– Пусть скажут, зато я буду точно знать! У меня есть последний шанс! И пусть будет как будет! Я не хочу умирать в неведении!

Психолог отстала, и я пошла к моей Богородице.

Здравствуй, Танечка! Вот я и дома! Нужно писать, а мыслей нет.

Помню, спускалась по лестнице, шла по коридору, ключ у охранника. Открыла дверь, и всё... Другой мир... Делаешь поклоны, молишься, шепчешь и, наконец, можно прижаться, прислониться большой щекой к Матушке. Поднять руки и коснуться Её рук. Долго стоять и молчать, слушая себя и что-то ещё, еле уловимое шевеление, движение воздуха. И вдруг меня

прорвало. Словно рухнула невидимая преграда, и я заплакала, причитала, рассказывая Богородице свои печали и боль. Я стояла, прижавшись к иконе, по щекам лились слёзы, омывая душу. Губы едва шевелились... Всё происходило где-то там, внутри меня. Я и не помню, что шептала, говорила Матушке... Про маму, про дочь, про Неё... Наступило состояние опустошения, упокоения и слабости. И в какой-то момент от Богородицы пошло тепло. Тепло, любовь лились мне в душу потоком, согревая, давая силы и жизнь. Жизнь! Жизнью наполнилось моё сердце.

– Матушка! Богородица! Матушка моя родимая! Родненькая! Господи, помилуй! Матушка моя! Матушка! – тихо причитала я, упав на колени пред иконой.

Страхом и восторгом радости наполнилось сердце. Я села в кресло и продолжила повседневную молитву, всё время посматривая на икону. Потом долго сидела в кресле, ощущая, как во мне всё переворачивается и становится на свои места.

«Моя мама, мамочка! Прости меня, родная, как же я виновата пред тобою. Родименькая моя...» – очень тихо, волнуясь, думала я, боясь нарушить внутреннее чувство материнской любви, подаренное Матушкой Богородицей.

«Меня любит Матушка! Моя Матушка! Счастье, счастье-то какое!»

«Доченька моя... У меня есть доченька... Господи помилуй! Спаси и сохрани!»

«Слава Богу! Слава Богу! Внуки... Мальчик и девочка... Всё есть! Радость-то какая, радости! Господи, всё у меня есть!»

Пора было идти на ужин. Всем поклонилась и пошла. В палате работал телевизор... От него было не спрятаться. В холле тоже был телевизор. Дотерпев до девяти вечера, я подошла к медсестрам и попросилась пойти ночевать в часовню. На меня посмотрели как на ненормальную и отправили в палату. Пришлось поговорить с соседкой и найти компромисс. А завтра была пятница!!! Соседку выписывали, и я оставалась хозяйкой комфортабельного номера.

– Ура! Ура! – всё ликовало внутри.

На обходе врач сказала, чтобы я больше не просилась ночевать в часовню.

– А можно в воскресенье в храм сходить? – тут же спросила я.

– Можно.

Пятницу, субботу прожила хорошо, даже в магазин сходила. Большую часть времени проводила в часовне за молитвой. Общалась с охраной. Одна из женщин рассказала, что раньше на месте часовни была мертвецкая. Договора с моргом не было, и трупы складировали в той комнате.

«Святое место. Мученики лежали. Теперь на этом месте стоит алтарь с Господом Богом. Чудотворная

икона Богородицы «Знамение». Это знамение для меня! Только какое?!» – думала я.

Спустя время я увидела рядом с иконой Богородицы газетную вырезку. В ней говорилось, что эту икону в двадцатые годы спасли крестьяне. Ехали на базар, увидели, что комсомольцы выносят из храма иконы и жгут. Попросили отдать им. Дали две иконы. Положили на телегу – и домой. Много лет прятали под постелью. Бабушку звали Лёска. И икону называли Лёскина. Когда бабушка умерла, дочь подарила икону Богородицы хоспису.

Воскресенье! Приготовилась к причастию. Выспросила, где храм. Предупредила медсестёр, чтоб не потеряли, и пошла. Церковь оказалась рядом, на этой же улице.

6

Здравствуй, Танечка! Нужно продолжать, раз взялась. Сегодня созванивалась с хосписом. Мест пока нет. Боли на лице возобновились. Небольшие, но не очень приятные. Ставлю гормоны, пью таблетки, немало легчает.

Недалеко от хосписа была церковь. Маленький деревянный терем имени преподобного Феодора Студита. У этого храма есть небольшая история. Он построен на деньги благотворителя, который выжил в авткатастрофе.

Сейчас повсеместно строят подобные в микрорайонах. Чтобы вышел из дома – и в церковь... Мало кто так делает. Не знают люди, зачем в храм ходить. Если только что случится, то тут уж непременно свечу бегут ставить. Слава Богу, хоть так приходят.

Вот и здесь были только все свои, да я зашла. Поклонилась, приложилась и в уголок села. Да, ещё требы заказала и сразу познакомилась с работницей храма Наташей. И так тепло на душе стало, в родной дом попала. Служба прошла на одном дыхании. С батюшкой на исповеди познакомилась. После чтения Евангелия о. Владимир стал говорить и объяснять смысл прочитанного. Это было истинное чудо! Батюшка знал всё! Говорил, и каждое слово ложилось на сердце и было живым.

После службы оставляли на чаепитие, но мне нужно спешить в хоспис. Время лечения, обеда – словом, другое расписание.

Понедельник пролетел незаметно, а во вторник – консультация в Томске. Самостоятельно передвигаться на большие расстояния некоторое время я не могла, просила возить на машине.

Томск. На приёме. За несколько минут врач решила все смертельные вопросы. Написала в рекомендации: лечение восстановить, больной обратиться в НИИ Мешалкина.

– Если они возьмутся, то всё сделают. У вас очень маленькая опухоль.

Вот он, тот шанс! Мне дали право на ЖИЗНЬ! Написали на бумаге и заверили печатью! Я имею право на продолжение лечения! Слава Богу! По моим щекам текли слёзы. Слёзы радости... Что же теперь скажет Кемерово?

В онкодиспансере взяли бумагу и сказали, что позвонят. А я снова возвратилась в хоспис.

Доктор сказал:

– Мест нет.

– Как нет?! Посмотрите, может, есть, ну где-нибудь?! Я же из Ленинска приехала...

– Хорошо. Пойдёмте. До завтра есть одно место. Вот здесь располагайтесь.

Привели в четырёхместную палату, но мне было всё равно, где быть, лишь бы не болело. Только начала разбирать вещи, как пришёл врач и сказал:

– Переходите в восьмую. Это моя палата. Я вас к себе беру.

Зашла в свою палату. Тоже четырёхместная, но просторная. Кровати вдоль стен, а середина – хоть танцуй! Два больших окна, обрамлённые красивыми шторами. Моя кровать справа, у окна. Очень хорошее место! Устроилась и успокоилась. Я в надёжных руках, значит, не будет больно.

В первый день я осматривалась, знакомилась. Тамара, Галина Алексеевна, Светлана... Тамарочка была жёлтенькая, почти не ела... Знаю, что раньше она была бухгалтером. К ней приходили какие-то люди (сектанты). Что-то пели, что-то на неё вешали, что-то шептали. Я думала, это родственники, они называли её сестрой. Ладно. У каждого есть право выбора.

На другой день пришла её настоящая сестра и стала оформлять доверенность на получение пенсии.

Я и спросила про Тамарочку:

– Какой она веры?

– Православная, конечно, и сын у неё в Питере каждое воскресенье в храм ходит.

Я рассказала, что видела.

Родственница сказала:

– Всех гнать вон.

– Хорошо.

В этот день после обеда пришла психолог и включила аудиосказку для Галины Алексеевны Андрея Гнездилова «Волшебная скрипка». Я тоже слушала сказку. Мне очень понравилось!

«Вот бы мне так писать!» – подумала я.

Потом зашла в интернет и посмотрела, кто же этот сказочник. Оказалось, Андрей Владимирович Гнездилов — петербургский врач-психиатр, доктор медицинских наук, почётный доктор Эссекского университета (в Англии), автор нескольких сборников сказок.

О, вот как! Нам и не снилось такое образование!!! Мы щи лаптем хлебаем.

Психолога звали Олеся. Она потом задавала какие-то вопросы Галине Алексеевне, я уже не слушала. Олеся я подарила свою сказку «Маленькая фея» и обещала ещё одно произведение: «Я вас люблю! Спасибо!». Психолог сказала, что завтра придёт ко мне. Я была в предвкушении неизвестности.

7

Здравствуй, Танечка! Сегодня долго ждала твоего письма. Ты спрашиваешь: «Разве в хосписе другое лечение?»

Другое, Танечка, другое. Они умеют убирать боль, стабилизировать и принимать меры, чтобы она не повторялась. Поэтому я с ними консультируюсь и жду госпитализации. Да, метастазов теперь в мозге нет, но они и лучи повредили кровеносную систему и нервы. Что-то там случилось ещё, и жидкость начала где-то периодически скапливаться, образуя отёк, который давит на тройничный лицевой нерв. Он воспаляется и начинает болеть. Вот такая система, как я думаю. Ты же знаешь, что через боль я всегда приходила в нужные места. Ты не переживай, ноутбук я возьму с собой. Буду работать.

Есть несколько минут до выхода из дома. Я иду в мой храм. Но воспоминания...

8

Здравствуй, Танечка!

Сегодня была радость! Ко мне приехала прихожанка нашего храма. Помощница семидесяти с лишним лет, Людмила Петровна. Она проехала два часа на междугородном автобусе и ещё час до хосписа на городском. Надо сказать – героическая бабушка! Привезла мне передачу, всё как положено.

По моей просьбе в храме дали четыре крестика с верёвочками. Один крестик – для Тамарочки, другой – для Галины Алексеевны и третий – для Светланы, а вот четвёртый ещё для кого-то. Два крестика позже дала родственникам, и они сами надели их на больных, а на Галину Алексеевну я надела сама. Так наша палата стала вся православная, и теперь я могла на полном основании гнать сектантов, которые ходили группами по несколько раз в день.

С гостьей немного побыли в палате и пошли в часовню к моей Богородице. Помолились, поговорили – и пора в обратный, столь нелёгкий путь для человека, у которого болят ноги.

Надо сказать, что меня ранее никто не навещал. Лежала я короткими перебежками и сейчас снова собиралась на консультацию в Новосибирск.

У меня была ещё одна соседка – Светлана. Её кровать стояла почти спинка к спинке моей кровати. Светлана находилась в коме. Подруга больной разрешила сектантам над ней пошептать. Она не понимала

разницу между православной верой и другими течениями (сектами), для неё были все верующие, а они так и представлялись: мы верующие, мы сёстры во Христе и т. д.

Так вот, я долго не могла дозвониться до клиники. А у этой подруги дочь живёт в Новосибирске, она куда-то позвонила, после чего мне быстро ответили и записали на консультацию к нейрохирургу на 6 апреля. Госпитализировалась я в хоспис 30 марта. Совсем мало времени! Потом к Светлане пришла дочь, спросила о маме. Я рассказала, что ночью она хрипела и стонала слегка. Утром санитарки её помыли, переодели. Пришёл доктор, сделал назначения. Медсестра стала аппаратом откачивать мокроту. Делали всё возможное и невозможное, чтобы больная не мучилась.

Я дала дочери Светланы почитать свою сказку «Маленькая фея». Понравилось. Она рассказала, что до мамы маму исповедали и причастили. Спросила:

– Может, у вас есть молитва на исход души из тела?

– Есть, но на старославянском. Я могу прочесть, но лучше спрошу у местного батюшки, можно ли мне прочесть. Есть его телефон.

Я позвонила о. Павлу и объяснила ситуацию. Он сказал: «Через час я освобожусь. Дать телефон родственникам. Звонить мне непрестанно и ждать меня».

Батюшка приехал через два с лишним часа. Мы все вместе помолились, о. Павел прочёл молитву на исход души. И я пошла к Матушке молиться.

Когда я вернулась из часовни, уже пришли родные сёстры Светланы с ночёвкой. И пошёл отсчёт времени. В девять вечера медсестра пришла ставить уколы. Поняла состояние Светланы и попросила:

– Выйдите, пожалуйста, вы её держите. Отпустите её.

Сёстры вышли. Счёт пошёл на секунды. Я стояла и смотрела, как это происходит. Дыхание стало постепенно затихать, а потом просто медленно остановилось, и всё. Не было никакого страха так умирать. Может, я без спроса вторглась в это таинство отделения души от тела, но я смотрела и не могла оторвать взора, при этом молилась, читала молитву об усопших: «Упокой, Господи, душу усопшей рабы Светланы, прости ей всякое согрешение, вольное и невольное, и даруй ей Царство Небесное».

Либо шептала пред этим: «Господи Иисусе Христе, сыне Божий, помилуй Светлану».

Молилась не переставая, меня охватил трепет, и словно что-то неведомое прошло сквозь моё сердце в момент остановки дыхания Светланы. Я вошла, куда меня не звали. Но я перестала бояться смерти, живя с Богом. Прошло всего минут пять или чуть больше, которые показались мне вечностью. Я спросила у медсестры, что стояла позади меня:

– Это всё?

– Да.

Позвали сестёр, приехала дочь, Светлану отгородили ширмой. Через час приехали за телом из морга. Положили в непрозрачный чехол на замочке и унесли. Санитарки тут же обработали кровать.

Утром на это место поступила Любовь Григорьевна. Вот, оказывается, и четвёртый крестик нашёл своего хозяина.

9

Здравствуй, Танечка! Пришла Любовь Григорьевна, действительно пришла на своих ногах. Я немного помогала ей ложиться на кровать после туалета. У неё оказались метастазы в костях, как и у меня. Рассказала ей про Томск, она собиралась поехать. Но... Но внезапно ей поплохело, видимо, из-за наркотика, она стала вялой и безжизненной, всё время спала. Потом ей запретили вставать на горшок, и санитарки сказали: «На вас надет памперс, вот туда и оправляйтесь».

Сил не осталось, двигалась мало, боли были, видимо, сильные. И всё же один из самых тяжёлых моментов для больного – это опорожняться в памперс. На человека нападает страх и теряется надежда, что он когда-либо встанет с этой кровати. И всё повторяет: «Я же сама пришла! Почему мне хуже, а не лучше?!»

Человек в болезни без Бога сдаёт одну позицию за другой. Идёт на уступки своей плоти, жалеет себя... С Господом всё иначе. Любовь Григорьевна была крещёная, но крестика на ней не было. Ей я и подарила последний крест.

Не обошла похожая ситуация и полюбившуюся мне Галину Алексеевну. Она не хотела сразу сдаваться, просила меня ей помочь сесть на горшок. Я помогла, но любимица моя не смогла больше писать самостоятельно. Как она плакала и переживала, жаловалась доктору! Ей поставили катетер для отхождения мочи. Опухоль была где-то там... Она тоже говорила, что пришла ногами, а теперь лежит. Я её утешала как могла: «Галина Алексеевна, вы в своём доме одна живёте, уже не справляетесь, а здесь уход хороший...».

Санитарки меня отругали за то, что я помогала встать бабушке. Они сердито объяснили: «А если бы она упала, и на вас?! Вы бы покалечились обе! Она грузная, нам тяжело поднимать!»

Строго-настрога запретили вмешиваться в их работу. Сказали жать на кнопку и ждать их.

Конечно, санитарки были правы, но жалость и сострадание делали своё дело. Я разрешила себе ухаживать за Галиной Алексеевной. Когда приносили еду, помогала поставить столик удобно, поднять у кровати спинку... Правда, иногда забывала положить полотенце, как нагрудник ребёнку, и она марала свою ночную рубашку. Из храма мне привезли коробку конфет «Коркунов», я всех угощала, а Галина Алексеевна испытывала особое удовольствие от конфет... Но она не могла

их разворачивать, тогда я стала это делать сама. Мы подружились. Не помню, сколько ей было лет, где-то около восьмидесяти... Она мне рассказывала о своей жизни и часто плакала, говорила, что сынок её сюда запер и одежду забрал, чтобы она не пришла домой. Звонила женщине, с которой тот живёт, а она всегда отвечала, что сынок ваш взял деньги и поехал к вам, но ни разу не доехал из села Бачаты Беловского района в Кемерово. Я говорила: «Галина Алексеевна, он вас любит, но такой слабый, что смотреть на вас в таком состоянии не может. Вы уйдёте, а он останется один. О себе думает, о своей боли душевной. А вы о нём подумайте, простите его, не корите, не ругайте, а дайте своей материнской любви. И будет он жить с вашей любовью и вспоминать...»

Сына и сноху моей подопечной я видела один раз. Они приезжали, говорили с врачом. Я каждый раз напоминала Галине Алексеевне, сынок-то приезжал, я же видела его. Колей его зовут.

И начинала расспрашивать дальше:

– А как в молодости жили?

– Работала без продыху в шахте. Ох, тяжело было.

– И ведь не плакали?

– Да когда-плакать-то, работать нужно было.

– Ну вот! А сейчас чего? Жизнь долгую прожили, и слава Богу! Детей у вас сколько?

– Два сына у меня, один рядышком, другой по-дальше. Звал меня к себе жить. А я как подумаю, что мешать им буду, они там поссорятся, а я буду думать, что из-за меня!.. Не хочу этого. Он у меня хороший! Герой России, из Афганистана выводил своих ребят, все живы. Да только нервный сам, всё война у него идёт. Внуки там есть. Да только неродные они, я же не растила их и не видела совсем. Здесь мой дом, не хочу на чужбине умирать.

– Да как же внуки-то чужие, если родные они?

– Вот так получилось, не чувствую ничего.

– А почему они из-за вас будут ссориться? Зачем придумывать?

– Не умею я по-другому. Вот здесь у меня родная внучка есть, я её вырастила, помогала чем могла. Да только не пожилось снохе с сыночком. Теперь вот другая, но хорошая. Тоже звали к себе жить, места там совсем мало, что же их теснить. И у меня домик маленький: комнатка да кухонька. Сын приходит, помогает чем может. Соседка приходила, уколы ставила. Домой хочу. Вещи забрал, а то ушла бы...

– Галина Алексеевна, миленькая, так вы же ходить не можете, куда пойдёте? И кто же вас отпустит с больницы. Дайте-ка я вас обниму, как маму, и поцелую. Я ведь не делала этого никогда. Я вас вместо мамы... Родненькая вы моя!

И мы начинали обниматься и целоваться. Так и утешали друг друга. Моя бабулька успокаивалась...

Я нашла в палате молитвословы и Евангелие, видимо, сектанты принесли. Посмотрела: нормальные книги – и раздала. Объяснила про исповедь и причастие. Больше говорила с Галиной Алексеевной. Ей было интересно. Потом я спросила:

– А вы хотите, я вам буду читать Евангелие по одной главе в день?

– Очень хочу!

Самой ей уже не под силу было читать, а слушать она могла и умела. Я начала читать самое короткое Евангелие, от Марка. Она слушала, а я комментировала некоторые простые моменты повествования. Галина Алексеевна понимала, о чём речь, и только твердила мне или, скорее, себе: «Да. Да. Всё так. Всё так».

Она впервые это слушала, но моё чтение для неё было словно она смотрела кино и была там, рядом с Иисусом Христом.

Я рассказывала ей про грехи и готовила к причастию. Она пыталась исповедаться мне, но я сказала, что батюшка придёт, вот ему и расскажите. Она согласилась.

Наступил долгожданный день – причастие! Пришёл батюшка, я его встретила в часовне и там исповедалась и причастилась. Мне так хотелось причаститься – именно там! Там, где были Господь и Матушка Богородица. Знаю, Господь везде, но там особенное место. Для меня это было очень важно. Я почерпнула воды живой, и появились силы духовные. Ведь мне предстояло своротить горы внутри себя.

Когда мы поднялись в нашу палату, о. Павел рассердился на меня. Ведь мы из одной палаты с Галиной Алексеевной, и он мог причастить обоих за один раз. А теперь ему снова нужно читать молитвы. Поняв это, я сказала: «Отец Павел, простите!»

Пока шло это небольшое замешательство, моя подопечная испугалась сурового батюшку. Она ведь ни разу не исповедовалась и уж тем более не причащалась. Может, и батюшек-то не видела. Кто её знает, я не спрашивала. Она испугалась, и мне пришлось подойти и успокоить:

– Галина Алексеевна, это батюшка, помните, я вам говорила, что ему нужно рассказать о своих грехах?

– Да. Помню.

Я её немного обняла, и она приободрилась. Пришёл черёд батюшки. Он прочёл молитвы и сказал:

– Вы будете про себя называть грех и говорить: «Каюсь».

Так она и сделала, из уст выходило одно слово: «КАЮСЬ». Оно было тихим, но шло из самой глубины души.

Такой исповеди я никогда не видела. Батюшка прочёл разрешительную молитву: «Господь и Бог наш, Иисус Христос, по благодати и щедротам Своего человеколюбия да простит тебе, чадо Галина, все согрешения твои, и я, недостойный иерей, властью

Его, **мне данно**, прощаю и разрешаю тебя от всех грехов твоих...»

И причастил! Слава Богу! Мы радовались как дети. Особенно я.

Каждый день я читала моей любимице по одной главе Евангелия, и что интересно, она всегда называла правильно последующую.

Я подходила и спрашивала:

– Галина Алексеевна, будем читать Евангелие?

– Будем!

– А какую главу мы сегодня читаем?

– Вторую.

– Правильно!

И я начинала читать со своими пояснениями.

Когда меня выписали на консультацию в Новосибирск, а потом я бегала и оформляла квоту на лучевую терапию мозга, то заходила в гости к Галине Алексеевне и Любви Григорьевне. Принесла им по шоколадке. Они были рады меня видеть, но засыпали на ходу, особенно Любовь Григорьевна... Тогда я подошла к Галине Алексеевне и сказала:

– Будем обниматься и целоваться?

– Будем! – со слезами на глазах сказала она.

Мы обнялись, как мама с дочкой, расцеловались в обе щеки, и я спросила:

– Будем читать Евангелие? Я специально взяла его с собой.

– Будем!

– А какую главу мы сегодня читаем?

– Шестую, – как всегда, правильно ответила она.

Несмотря на то что прошло время, Галина Алексеевна ждала чтения Евангелия, поэтому и помнила, что читать.

Был вечер и темновато в палате, у меня тогда упало зрение, и я читала в очках, еле разбирая мелкий шрифт. Она мне говорила:

– Оля, ты же не видишь, как ты читаешь?

– Ничего, ничего, я дочитаю.

Это было наше последнее чтение и последняя встреча. Я подошла, обняла её и Любовь Григорьевну, а вот Тamarочку не обняла. Не знаю, почему я не подошла... Потом очень сожалела об этом и корила себя за чёрствость. Тamarочку и Галину Алексеевну, приехав из Новосибирска, я уже не застала в живых.

Светлая память! Господи, помилуй и прости их за всякое прегрешение, вольное и невольное, и даруй им Царство Небесное!

Немного поговорила с Любовью Григорьевной. Она просила написать ей мой телефон – цеплялась за любую возможность связи с живым миром. Она так боялась уходить в небытие. Я подарила ей свою сказку. Только звонков я не дождалась. И сама не могла дозвониться. Телефон был выключен.

Она так и не причастилась, а может, и причастилась. Ведь в палату приходил о. Владимир из соседне-

го храма и кого-то причащал... Я ведь с ним подружилась и просила заходить в хоспис. Он ответил, что это не его территория, но всё равно пришёл. Спаси его, Господи! Есть, есть замечательные служители Господа! Слава Богу!

Забыла сказать, что до сего момента болезни я работала в храме. Правда, два-три дня в неделю, с трудом, но с радостью душевной. А тут – хоспис! Голова болела, а душа рвалась в храм.

Тем, кто звонил, я говорила, что не нужно приезжать, скоро дома буду. Но... Мне всем хотелось рассказать и показать мою Богородицу! Хотелось кричать: «Приезжайте, здесь благодатное место! И кто-нибудь, как я, обретёт здесь примирение с самим собой, с родителями, с детьми. Это такое счастье – МИР В ДУШЕ! ЛЮБОВЬ к близким!»

И вот на другой день была большая радость. Ко мне приехали уже две прихожанки: любимицы – геройские бабушки! Лидия приехала, моя Лидия! Наша кормилица! Она у нас убирает храм и заботится о нас, о хлебе насущном думает. Все должны быть сыты. Какой же работник, если голодный. Почему-то я называю её просто Лидией. Не знаю. Таких людей я встречаю впервые. Все, что с Господом, все впервые! Жизнь новая и необыкновенная! Благодарить и славить Господа Бога моего нужно непрестанно! Прости, Господи, меня грешную!

161

Во второй раз приехала моя, тоже моя – Людмила Петровна! Незаменимая бабушка при чаепитии, ухаживании за гостями и уборке посуды. Правда, временно ставшая нетрудоспособной, как и я. Только она сломала руку, которая никак не хочет заживать. И что интересно, Людмила Петровна сломала её в день памяти Матроны Московской, когда собиралась ехать в новый храм, построенный в честь святой. Я не знаю, зачем это случилось, но верю, что во благо и только во благо! Господь милостив!

Господи, помилуй! Как я рада была! Может, и виду не показала, но такая это поддержка была бесценная. Нет цены у любви, у сострадания, у заботы о ближнем.

Послание к Галатам, глава 6. «Друг друга тяготы носите, и тако исполните закон Христов». То есть нужно подставлять свои плечи под крест, который лежит на плечах ближнего. Христовы это слова: «Заповедь новую даю вам, да любите друг друга» (Ин. 13:34).

Мой родной приход, мой храм, мои батюшки, всё это и многое другое дал мне Сам Господь! Слава Богу за всё!

Здравствуй, Танечка! Немного забылась. Что для меня было главным, то и написала. Но доктора не последнее звено в хосписе, а скорее второе, ведь пер-

вое – это Господь. Врачи здесь замечательные, отзывчивые и понимающие, а главное – СПЕЦИАЛИСТЫ! Нужно просто найти с ними общий язык, как с любым человеком.

Среди них есть психолог Олеся. Пришла она на другой день, как и обещала. Принесла с собой фотографии людей, похожих скорее на больных, чем на здоровых, очень страшные личности. Стала давать их по четыре, а я должна была выбирать: нравится, не нравится. Жуть, кого выбирать, когда выбора нет? В итоге психолог сказала, что я творческий человек. Ничего, в общем, нового. Но Олеся прочла мою книгу «Маленькая фея» и высказала свои замечания, которые помогли мне пересмотреть своё видение мира. Я взялась за переработку сказки, правда, не сразу, а спустя время. Осталось совсем чуть-чуть работы, и я снова остановилась...

Мой рассказ называется «Матушка Богородица зовет меня к себе в хоспис». Так вот, я снова в хосписе. Жить без боли – девиз этого заведения. Это хорошо! Поэтому я здесь по воле Божией. И, представь себе, даже в одноместной палате, правда, временно. Но ничего, мне и временно хорошо.

В этой палате я пробыла 21 день и не заметила, как время прошло.

А ведь, когда я звонила, заведующая сказала:

– Есть одно место, приставной пятой кровати.

– Что это такое? – спросила я.

– Это четырёхместная палата, где стоит пятая кровать.

– Хорошо. Я и на пятой кровати побуду. Идёт ухудшение, надвигается боль. Я бы не просилась.

– Хорошо. Приезжайте!

Вот такие добрые иногда бывают сюрпризы по воле Божией.

Разобрались мы с доктором в лечении. Именно так. Он всё выпросил и спросил моё мнение по тактике стабилизации состояния. Я согласилась. Врач новый, видимо, Господь прислал. Что же против Господа идти. И пошла к своей Матушке Богородице.

Зашла, волнуясь и взор на Неё боюсь поднять. Сделала всем земные поклоны, а потом и подошла. Хорошо-то как! Встретились! У меня рыдания подкатили из глубины... Села я в кресло, молилась да всё глаза опускала, боялась посмотреть на Матушку. И только закончив молитву, я заговорила с Неё, глядя на образ. Я и не помню, о чём. Благодарилась больше. Слава Богу за всё!!!

Может, и можно закончить на этом. Но снова не получается. Я ведь не рассказала самого главного. О Господе Боге своём.

Многие могут сказать: «Богу молится, а в хоспис отправили. Как же Он такое допустил?! Да и болезнь прогрессирует! Почему Господь не помогает?!».

Но нет! Именно помогает! Господь за ручку ведёт и на руках несёт! Меня, меня, грешницу! Как бы я с Матушкой Богородицей встретилась, если бы не хоспис, если бы не ухудшение?! А Богородица мне всё нутро перевернула. Всё расставила по своим местам! А Господь Бог мой что? А в Томск отправил, все говорили – смысла нет, один Бог ведал, есть или нет. Всё гладко прошло! Господь вернул меня к жизни. А Новосибирский НИИ имени Мешалкина вообще поразил быстротой и качеством лечения! Неделя на квоту и три дня на лечение. Всего три дня, и ты совсем вернулся с того света к жизни. К жизни обновлённой. Складывалась мозаика самим Богом. Меня отправили умирать, а тут всего три дня – и всё сделали. Сегодня я уже знаю, что метастазов в мозге нет! Но остались последствия, и вот я здесь.

Не могу не рассказать, как по воле Божией случилось, что я лечусь сейчас только в Томске. И второй раз Господь ожесточил сердца и затмил разум местным врачам.

В первый раз это было после отправки в хоспис. В НИИ Томска дали предписание восстановить лечение в полном объёме. Но... Сначала отказала завотделением, потом ещё какая-то «зав» и потом комиссия из восьми человек.

Я снова была в Томске, у меня подошла очередь на введение стронция-89. Стронций – это радиоактивный препарат. Впервые на большом клиническом материале разработаны оптимальные подходы к применению хлорида стронция-89 для лечения болевого синдрома при метастазах в кости различных злокачественных опухолей.

Это был день памяти Матронушки Московской – 2 мая. Я помолилась ей. Моего доброго врача не было на приёме, но она зачем-то зашла в кабинет. Когда доктор вышла, я подошла и всё объяснила. Она моментально решила все мои вопросы и, зайдя ещё раз в кабинет, дала указания. Так я стала лечиться в двух областных центрах. То туда ездила, то сюда. Очень тяжело было. Но...

Господь решил иначе. Когда я в очередной раз приехала в наш областной онкоцентр с почти нулевыми показателями крови, мне отказали в первой помощи и отправили снова в хоспис. В хосписе не было мест, и там не занимаются восстановлением крови. В какие бы двери я ни стучала, они были закрыты. Мне все отказали в помощи, даже наш онколог. Просмотрел бумаги и сказал:

– Вы хотите, чтобы я сказку вам рассказал?

– Нет. А если лейкоциты упадут совсем?

– Умрёте.

– Что-то можно сделать? Подскажите.

Доктор взял ручку и листок, написал и подал мне со словами:

162

– Восемь миллиграммов дексаметазона ставь пять дней, потом сдашь анализ крови.

Я вышла из кабинета ни жива ни мертва. Со мной был один Господь. Я ставила дома уколы, с Божией помощью волокла себя в храм, исповедалась, причащалась, когда шли службы. Один раз причастилась в другой церкви. Была необходимость быть ближе к Господу, нуждалась и просила Его помощи. Дома старалась шевелиться, чтобы обновлялась кровь. Мыла окна, стирала и на коленях ползала, чистя ковёр. Глотая слёзы, я всё твердила: «Ты всю жизнь мучило меня, тело моё! Теперь я тебя буду распинать за грехи мои! Душа – главное, а ты просто одежда, которую закопают, и она сгниёт...»

Нужно умереть, чтобы родиться заново. Я ползала и думала: «Не может быть, что это конец! Зачем тогда столько пройти? Бессмысленно! Для чего-то Господь меня всегда спасал? И дорогостоящее лечение было проведено в Новосибирске... Разве так может быть, что Господь бросит на полпути? НЕТ! Так угодно Господу! Он знает! Нужно только положить на Господа, смириться и терпеть, работая».

Так я и делала. Мне нужно было продержаться, выжить всего две недели до госпитализации в Томске. Меня там брали в любом состоянии, и нужно было ждать и жить. Я выкарабкалась благодаря Господу Богу моему!!! И в НИИ меня взяли на полное лечение. Так я стала ездить только в Томск. Стало легче, условия мягче, люди... Очень хороший персонал! Прошло время, и я поняла, для чего всё это было. Только для моего блага! Не даёт Господь больше креста, чем можешь унести. И всегда Он рядом и готов подставить плечо и подставляет. Как ты к Нему, так и Он к тебе.

В Томске я прошла полное лечение, кровь была в норме.

Но небольшое душевное облегчение наступило только после осознания необходимости порвать не только мысленные возвращения в прошлое, но и уничтожить без жалости физические залежи письменного мусора. С болью и кровью выдирала из себя грязь ввевшегося греха. И в это самое время наш настоятель и его матушка с детьми сопровождали паломников к мощам Николая Чудотворца, в первый раз привезённым в Москву. Они молились за меня у мощей и там, где пролегал их паломнический путь. Молились не только они и не только тогда, молятся и сейчас. И благодаря общей молитве я живу. Живу не по своим каким-то заслугам, а только по Благодати Божией и Его милосердию. Слава Богу Всевышнему, Вседержителю! Но... Но передышки всё не было. Я катилась в каком-то мучительном коме событий: одно не успевало кончиться, как начиналось другое, ещё более трудное испытание. Господь словно плавил мою греховную плоть, очищал, жёг огнём. Я мучительно молилась и просила передышки. И Он дал её. Вот как это произошло и почему.

Здравствуй, Танечка! Вот моя обещанная история из Томска. Приехав домой, я спросила совета у своего батюшки письменно. У него совсем нет времени для душевных бесед... Я стараюсь не мешать. Ведь есть более нуждающиеся в его помощи. Я пишу много, но он отвечает всегда кратко и понятно. Итак, письмо.

«Благословите батюшка!

В этот раз мне пришлось отвечать на вопросы тридцатилетней девушке Евгении с прогрессирующим раком. Она хотела броситься с моста, но пошла на исповедь, где ей сказали правильные вещи: это хорошо, что она будет мучиться здесь, зато попадёт в рай.

После исповеди она пришла в неадекватное состояние. Забыла все свои коды карт, и при расчёте за покупки они заблокировались. В голове моей был полный хаос мыслей: «Она молодая, красивая, и у неё рак! Это хорошо?! Как такое может быть?!»

Ей сделали одну операцию: удалили грудь. Она не смирилась с этим и восстановила утерянную красоту повторной операцией. Правда, ничего не чувствует, но грудь-то есть.

«Теперь что же, вторую отнимут после химии?! Как жить с этим? А он – ХОРОШО! Замуж никто не возьмёт такого уroda. Мне ведь всего тридцать! За что?! Дочке шесть лет всего, кому она нужна будет, если меня не станет?!» – ходит по отделению и всем рассказывает, как с ней поступил священник. У меня спросила, правильно ли сказал батюшка? Я ответила, что в принципе правильно, но так можно сказать мне, а мне так не говорят. Я ей рассказала, как сама первый раз пришла к батюшке, и он мне сказал: «Хочешь, живи так, как живёшь».

Потом сказал и что меня ждёт.

«А хочешь другую жизнь, приходи на исповедь и причастие как можно чаще, хотя бы раз в две недели».

Я и с ней повела речь, что у неё есть выбор: жить так или с Богом. Другого пути нет.

На другой день она сказала, что хочет задать несколько вопросов, когда подключат химию. Мы остались вдвоём, а меня обуял страх. Меня никто не благословлял на такое. Когда я в своём храме работала или просто кто-то что-то спрашивает, я отвечаю, если знаю. Если не знаю, всегда могу отправить к батюшке. А тут отделением руководит профессор, который священников на дух не переносит.

Так вот, страх обуял. Говорю:

– Пойду до туалета.

Иду обратно в палату и молюсь:

– Господи, помоги ответить на вопросы! Не знаю я, что и сказать.

Все вопросы касались плотских грехов.

– Это грех?

– Грех.

– Это ещё больший грех?

– Да.

Ещё к ней бес приходит, то душит, то раздевает.

Она кричит ему: «Ступай в ад!»

И он уходит. Вот такая история.

Я старалась отвечать как могла, с Божией помощью.

Потом пришла соседка по палате, и они стали разговаривать. А я села читать псалтирь. Через некоторое время Женечка меня спросила:

– Мы вам не мешаем?

– Нет.

Конечно, я постоянно отвлекалась от молитвы и где-то слушала их разговор. Сказать что-либо я не могла. Евгения изливала свою боль, думала, что молодая соседка поможет ей разобраться в происходящем. Но это знает лишь Господь.

А теперь ещё прошу вашего благословения, батюшка на беседы, чтобы отвечать на вопросы... Смотря по ситуации. Потом, я хотела бы сделать в одной палате небольшую православную библиотечку, просто в папке, чтобы во время большого обхода с профессором не видно было, что это такое. Если вы разрешите, то ещё спрошу у главного врача разрешения.

Батюшка, Бог милостив ко мне. Знаете, боюсь сделать что не так, чтоб не рассердить Его. Я не знаю, сколько хорошее состояние продлится. Метастазов в мозге нет, но нервы там повреждены. Новых очагов в костях не появилось. Анализы отличные. Самочувствие хорошее. Пью фракцию и то, что доктора прописывают. Слава Богу за всё! Знаете, я впервые не осудила блудницу, а пожалела и страшно боялась сделать ей больно. Господи, помилуй!

Простите, что получился большой текст, а у вас всегда мало времени.

Разрешите, если я не могу ответить на вопрос, то советоваться с вами?..»

Батюшка ответил мне благословением: «С Богом, беседуйте».

Вот такое со мной приключилось в Томске. И только через несколько дней я поняла, что за то, что я не осудила Женю, Господь простил мои некоторые грехи. Осуждение – это очень большой грех. Теперь я очень стараюсь не осуждать людей. С меня снова свалился ещё один мешок с грязью. Первый мешок был сброшен в Оптиной пустыни, когда чистила подсвечники, пожалела и оправдала служительницу, а при выходе поклонилась и просила прощения.

Желание изменить себя и изменение – это и есть покаяние, которого ждёт от нас Господь. При этом Он шлёт свою благодать, тем самым помогая от желания изменить себя перейти к действию, – происходит изменение только с Божией помощью. От нас требуется желание и стремление, но действие производит Сам Господь БОГ!

Такая радость у меня была, когда я поняла, что произошло. И при этом ещё и состояние моё улучшилось настолько, что могу снова собираться в поездку. Это третье паломничество к прп. Александру Свирскому будет очень важным в моей дальнейшей жизни. Я думаю, что после этой встречи со святым угодником я приму серьёзное решение. Принятие такого решения должно быть с лёгким сердцем и с радостью. А пока на сердце тяжесть, смущение и неуверенность. Господи Иисусе Христе, сыне Божий, помилуй мя грешную!

12

Здравствуй, моя Танечка! Закончить пока не удаётся, ведь я в хосписе.

Поэтому продолжение... Продолжение.

Я тебе рассказывала, что случилось недавно, но не всё.

В соседней палате умирал мужичок 43 лет. Мама его сильно переживала, мы немного поговорили в коридоре. Я сказала: «Молитвы нужно почитать и успокоиться».

Через некоторое время она заглянула ко мне в палату и спросила молитвы о болящих. У меня их не было, и я пошла посмотреть в часовне. Всё обыскала, но нашла только псалтирь с крупным шрифтом да акафист «Всецарице». Помолилась Господу и Богородице, спрашивая, что же мне делать. Когда я поднялась на этаж, человек уже умер. Хотела предложить свою помощь, но не знала как. Медсестра сказала: «Зайдите в палату».

На этом бы всё и кончилось, но в руках был псалтирь, и я начала читать с предначертательных молитв и первой кафизмы. В душе всё улеглось, наступил покой. Я читала за всех людей, населяющих хоспис. Просила о прощении их грехов. Видимо, я взяла на себя не соразмерный груз своим силам. А ночью мне приснился кошмар. Я кричала и звала на помощь, совершенно забыв о молитвах. Вот что значит перевозноситься. Мне словно сделали предупреждение: «Не лезь не в своё дело! Думай о себе!».

После обеда сходила в магазин и зашла в соседний храм Феодора Студита. Там шла вечерняя. По храму разливалась благодать. Она шла от отца Владимира. Служба шла по-домашнему. Батюшка помогал петь певчим и вёл службу с любовью. Душа моя радовалась и ликовала!

Хорошо-то как, Господи! Хорошо! Слава Богу Всевышнему за праздник такой. Я уже и забыла, как радоваться, а тут и радость другая: светлая, насыщенная и умиротворяющая.

Я сидела и думала: «Я так скучала по Матушке Богородице в хосписе, храму, по отцу Владимиру, всё думала, как приехать, хоть чуток на службе побыть, про-

повесть послушать. А Господь всё и управил! Слава Богу! Снова может оказаться, что у меня лицо болит, а я радуюсь. Радуюсь, очень радуюсь, а как же иначе можно попасть в это благодатное место... Через боли и скорби очищается сердце. Тогда и благодать начинаешь чувствовать и радость».

На другой день, на праздник Казанской иконы Божией Матери, в этом храме службы не намечалось. На два храма один батюшка, вот так и случается: вечерняя в одном, а литургия в другом.

Ничего, значит, в Никольский храм поеду. Так Господу Богу моему угодно. И утром поехала. Сидела рядом с бабушкой, спросила, на какой остановке выйти.

– Так это «57-й магазин». Храм у Томи стоит?

– Не знаю. Один раз я там всего была. Вы мне скажете, где выходить?

– Хорошо.

Едем, едем...

– А Никольский храм когда? – спрашиваю уже у кондуктора.

– Да проехали уже.

Была остановка, дверь открыта, я и пошла выходить. Автобус внезапно тронулся, и я, выходя, упала на асфальт. Мимо меня, лежащей на спине, тихо проехал автобус, а потом маршрутка... Голову я ударила немного, а больше ничего. Кое-как развернулась, а встать не могу. Потом подползла к бордюрику, оперлась на него и встала. На остановке стоял человек как ни в чём не бывало. Перешла на другую сторону и спросила у юноши:

– Скажите, далеко ли до Никольского храма?

– Нет, через ложок пройти и всё. Мне близко, а вам не знаю.

Я решила пойти пешком. Ничего, слава Богу, дошла в полном здравии, только вот на службу опоздала.

Господи, помилуй! Хорошо-то как, благодать в храме – дышать не надышаться душеньке моей! Главное-то что? Тишина внутренняя просыпается, я бы сказала: «Свете Тихий...»

Смотрю, батюшка идёт. Я благословиться подошла, следом женщина, я и спросила:

– На исповедь?

– Да.

Я и присоединилась. Исповедалась, потом причастилась – и домой, в хоспис. Иду, остановку ищу, а в голове-то всё перепуталось или враг напутал. В общем, села да и еду в город, а мне обратно нужно. Как поняла это, то и вышла, пересела и тогда уж домой воротилась. Вот так враг не хотел, чтоб я на службу попала, а потом покрутил с обратной дорогой. Но Господь помог, ведь могли и колёса по мне проехать, автобус-то гармошка был, а у него на метр заносит заднюю часть. Пугает, да я на Господа уповаю. Но нужна осторожность. Прости, Господи, меня грешную.

Здравствуй, моя Танечка! Я и не думала, что из хосписа поеду сразу в Томск. Там всё, как всегда, – никуда не спрячешься. А в этот раз мне и прятаться было не нужно. Я просто не обращала ни на кого внимания, не вступала в разговоры. В общем, жила так, словно меня здесь нет. Для меня самой это было удивительно. В общей сложности не была дома 27 дней. Даже не заметила, как они прошли. Самое сложное – это причастие. В какой бы я ни вошла храм Томска, исповедывают только вечером, после службы. А это ужина нет и завтрака тоже. Просить соседок я не смела. Да и сил нет. Вроде и радость, а как тяжело она даётся.

В субботу в Богородице-Алексеевском мужском монастыре я подошла к работницам храма и сказала, что мне обязательно нужно причаститься. Одна из них сказала: «Встань самая последняя в очереди к чаше, скрести руки и всё расскажи батюшке».

Я так и сделала.

– Батюшка, у меня рак четвёртой стадии. Мой батюшка благословил не ходить на вечернюю службу.

– А как же исповедь?

– И на это есть благословение. Мой батюшка сказал, что я могу причащаться без исповеди во всех храмах Томска.

– Как давно вы причащались?

– В воскресенье.

Так я и причастилась, немного слукавила, благословение было только на Богоявленский собор. Я потом часто сравнивала себя с Кисой Воробьяниновым, который держит в руках шляпу и говорит: «Мосье, же не манж па сис жур. Гебен зи мир битте этвас копек ауф дем штюк брод. Подайте что-нибудь бывшему депутату государственной думы».

Прошлося идти на вечернюю. И я нисколько об этом не пожалела. Пел хор, состоящий из монахов. Конечно, это была не Оптина пустынь, но было отрадно на душе. Исповедь началась после службы. Не знаю как, но я была первая. Слава Богу. До больницы дошла кое-как. Через час спросила градусник. Было 38 и 2. Утром температура исчезла, и меня отпустили в храм на литургию. Когда стояла в очереди на причастие, подошла вчерашняя служащая и спросила:

– Вы исповедались вчера?

– Да, но это было так тяжело.

Она подумала о чём-то своём и улыбнулась, продвигая меня вперёд. А мне просто было плохо от температуры.

Целый день я провалялась в кровати, а вечером попросила градусник. Температура была 38 и 4. Вызвали дежурного врача. Он поставил диагноз: «ангина» и назначил лечение.

А в понедельник был «царский обход»: профессор и все врачи отделения. Он спросил:

- Как вы себя чувствуете?
- Без температуры хорошо, – сказала я.

А он заулыбался и что-то пробормотал себе под нос. Однако старшему врачу велел взять меня на карандаш.

Через некоторое время пришла моя врач и попросила освободить место. Поступило много народа, мест не хватает. Господи помилуй! Лучше бы в храмах в простой день не было мест, тогда бы и в онкологии стало меньше народа.

В субботу вечером спрашиваю свою знакомую незнакомку:

- А где народ? У вас такая благодать в храме!
- Завтра будет.

Действительно, в воскресенье было много народа, и на причастие была большая очередь. Да. Вечером я ведь первая исповедалась и убежала в больницу.

14

Здравствуй, Танечка! Я думала всё, закончила писать. Но сегодня позвонила подруга и спросила:

- Сколько лет прошло в борьбе за право жить?
- Мне кажется, борюсь всю жизнь.
- Найди место в своей жизни, где было всё гладко.
- До шести лет, пока я была с бабушкой и ходила с ней читать псалтирь об усопших.

– Это совсем маленький возраст, ну с десяти, двенадцати лет и дальше?

Я долго думала, и по сей час происходит это судорожное искание. ГДЕ, ГДЕ? НУ КАК ЖЕ, НЕУЖЕЛИ НЕТ? СЧАСТЬЕ, РАДОСТЬ, ЛЮБОВЬ ГДЕ? ПОКАЖИТЕ МНЕ, КАК ЭТО ВЫГЛЯДИТ? ЧЕМ ПАХНЕТ? А МОЖЕТ, ЗВУЧИТ КАК АРМЯНСКИЙ ДУДУК? Как можно рассказывать о любви и счастье и радости, если ты этого не знаешь?

Да нет, знаю! Был такой момент. Я шла к подруге, а из соседнего дома вышел мужчина и подарил мне огромный букет лесных колокольчиков.

– Это мне?

Я не услышала ответа. Это был мой первый восторг.

Начало замечательной жизни или отпуск я провела в Киргизии. И потом по маленькому кусочку, по пылинке, по снежинке. Мало-помалу открывалось моё счастье. Верите не верите, но это именно так. Я счастливой стала в болезни, с Господом Богом моим. Всё Господь, всё Господь! Господи, помилуй! Ведь как умирает тело – и боль, и плач. А потом вдруг возрождается, с Господом моим. Тело поболело, поплакало и решило:

- Так жить нельзя! Я не хочу жить с болью.
- Хорошо! – говорит мой Господь.

У него уже и другая задача готова. Плачь не плачь, а решать самой, не у кого спросить, кроме Бога. Вот в церковь-то и идёшь, исповедаешься, причащаешься и

плачешь и молишься, чтоб ответ-то подсказал. Иногда долго молишься, но это для людей долго четыре месяца, а для Господа – тыфу. Ну а как же, грешила сколько? Так, на одну чашечку весов – грехи, а на вторую – добрые дела... Вот так, а добрых дел у меня и нет. Вот и плачешь и молишься, чтоб простил.

– Не умею я добрых дел делать, Господе Иисусе Христе, помилуй мя грешную! Идешь, по сторонам не зыркаешь, глаза вниз и молитовку: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешную».

15

Здравствуй, моя Танечка! Думаю о счастье очень давно. Поэтому прочти эти зарисовки о счастье. Мне бы хотелось, чтобы ты и Леночка написали немного о своём счастье. Ведь счастье у всех разное.

– Счастье? О чём это? Кто хочет рассказать мне о счастье? Я сама себе. Прелестно! Прелестно! У меня всё есть.

- Всего быть не может в принципе.
- Хорошо. Мне достаточно того, что у меня есть.
- А мужа нет, разве достаточно?
- Муж – это кто?
- О, муж – это твоя духовная половинка.
- Духовную половинку, да, хотелось бы. Но пока её нет, разве нужно печалиться?

– Нет.

– Вот я и не печалюсь. Мужа я у Бога просила и жду. Могу я на Бога роптать, что не дал мужа?

– Нет.

– Спасибо, Господи, что пока не дал! Я же не готова, вот в монастырь собралась, пожить немного. Какой муж, когда порядка нет в голове.

– Да ты что?! Порядок можно до конца дней навредить! Что, так и будешь без мужа?

– Верно, не подумавши говорю.

– Да ты когда думала-то в своей жизни?

– Учусь, милая, учусь.

– Мы хотели говорить о счастье, а сами о чём?

– Так всё по теме, между прочим. Спокойно сидеть, слушать музыку и разговаривать на интересную тему разве не есть счастье? Было бы с кем говорить.

– А разве не с кем? У меня есть ты, а у тебя есть я.

– Ты в зеркало глянь, есть там ещё кто, кроме тебя?

– Нет.

– Но это ничего не значит! Бога тоже никто не видел, но Он есть.

– Так, с Богом себя не сравнивай.

– Да я же для наглядности сказала, для лучшего восприятия, а то так можно и к психиатру отправиться.

– Зачем опять к психиатру? Ты там уже была.

– Была, и зачем всем рассказывать?

– А что? Секрет? Тайна? Ну-ка, ну-ка, а диагноз свой шепни по секрету.

– Нет никакого диагноза, сама знаешь, и не придуривайся. Так, снова отвлеклись. Счастье?..

– Счастье?

– Эй, кто-нибудь! Может, подскажите мне! Что ЭТО?!

– Ты что? Это ты сама, голубушка, сама! Ну, милая, мозги есть, подумай, напряги, что же ты так? Я верю, надеюсь на тебя, а ты кричишь почему зря.

– А почему ты на меня надеешься, а не я на тебя?

– Ты главная, вот!!!

– Это кто решил?

– Без нас, милая, всё давно решено. Смирись, мой тебе совет.

– Счастье?! Трудно. А ведь мечтаю всё время о нём, а какое оно, и не знаю. Так о чём же я тогда мечтала всю жизнь?

– Вот-вот.

– Счастье? Это когда душа спокойна!

– Да разве в покое счастье?

– Счастье? Это когда в сердце любовь живёт! Когда смотришь на небо, горы, водоёмы, в общем, на природу – и душа замирает от восторга красоты!

– Душа у тебя сейчас почти спокойна, в природу ты недавно окунулась достаточно. Значит, ты счастлива?

– Когда я была там, в красоте, мне было хорошо, но душа металась, ей не хватало чего-то. Душе хотелось отдать всё то, что она чувствует, другой душе, которая бы смогла понять, принять и разделить со мной радость.

– Но ведь вокруг люди! Ты не одна, делись!

– Люди, люди! Не нужно мне много. Мне один нужен такой, словно часть меня, словно одно дыхание со мной, словно одно биение сердца со мной, или я с ним, так вернее.

– Опять сказку хочешь?

– Нет. Жизнь хочу, живую и настоящую! Чтобы радоваться каждому дню, и неважно, дождь или солнце! Открыл глаза и радуешься: «ПРОСНУЛАСЬ! СПАСИБО, ГОСПОДИ! ЖИВУ!!!»

– А... Что мешают?

– Ну и зануда ты! В принципе не мешает НИЧЕГО!

– Тогда ЖИВИ!!!

Счастье, счастье. А живу ли я? Или так, проживаю отпущенное время? Времени остаётся мало. Никто из людей не знает, сколько, только один Господь ведаёт. Успеть понять что-то важное, ощутить и прикоснуться к этой великой тайне – ЖИЗНЬ. СЧАСТЬЕ – это ЖИТЬ! Это ощущать жизнь каждой своей клеточкой.

Счастье – это любить Господа и ощущать Его любовь в себе. Знать, что я не одна, а с Господом, который всегда рядом, заботится и знает обо мне всё. Любит такую, какая есть, но желает, чтобы я стала совершенной. Я могу к этому стремиться, а Он мне поможет.

Да. Счастье – это покой! Нет, не покой, а согласие с самим собой. Это знание, что меня всегда любит Господь, и заботится, и знает, что для меня лучше. Живёшь в полноте и ничего не нужно. Всё даёт Господь. Но Бог не даёт ничего просто так. Нужны дела.

Счастье – это сладость победы над собой. И чем больше я борюсь и побеждаю, тем больше я счастлива.

– Таня, вставай! Займись работой по дому. Не лежи!

– Спина болит!

– Начнёшь двигаться, и станет легче. Вспомни! Не раз это было!

– Ладно. Вот пристала. Никакого покоя от неё нет...

– Леночка, не спи так много, мужу это не понравится. Муж должен знать либо нужно с этим бороться. А то потом скажет: «Эх, мать честная! На ком же я женился?»

И всё пошло и поехало!..

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Здравствуй, моя Танечка! И снова я тебе пишу. Нет, видимо, конца у этой истории, пока мы живы... Но... Так хочется поделиться с тобой радостью сейчас, не перед смертью... Знаешь, писала я тебе о четырёх братьях. Так вот, один оставшийся, младшенький, которого назвала «ни так ни сяк», порадовал меня. Кто-то может сказать: и не радость это вовсе, когда брат в такую больницу попал. Радость, Танечка, радость!

Последнее время навалилось на него много всего, и я, как сестра, звонила и спрашивала о его состоянии. Сегодня звоню, а телефон молчит... Я ещё подумала со смехом: «Телефон, телеграф взят! Красные в городе...» Сама собираюсь в поликлинику, а там и до брата доползу. Хожу я плохо, петляю, как заяц. На улице снега намело, смотрю в окно – и передёргивает меня от страха. По канату-то я ходить не умею, а тут только тропы, где протоптаны, а где и снова занесло. Слышу звонок в дверь, открываю:

– Господи, помилуй, я ж к ним собиралась, а она тут как тут, знакомая!

Всё обсказала и вместо одной больницы я поехала в другую. Хорошо вдвоём, сама бы не дошла. Два часа добирались и пришли за семь минут до закрытия на отведённое время для посетителей. Медсестра приняла передачу, как в тюрьме, вытащив запрещённые продукты и тетрадь с ручкой... Вышел брат мой – и не узнать. Медсестра разрешила без бахил пройти на место свиданки (иначе это и не назовёшь) и сказала: «У вас есть семь минут для общения».

Семь не семь, а пробыли двенадцать!

Смотрю на братца и понять не могу, что со мной происходит? Хочется какие-то слова сказать добрые...

Я и говорю, сначала-то для себя: «Ты хоть улыбнись, если рад нам...»

И правда, поворачивается и улыбается, вижу, хочет порадовать канцелярскую сестрёнку. Вот и уходит пора, ничего доброго в голову не пришло, как сказать: «Мы с тобой одной крови, братан! Держись...»

Вот такое свидание. Подошёл автобус... Я и так и сяк, а войти не могу, все силы потратила на хождение по тропам. Сумку на ступени поставила и опять корячусь. Тут и кондуктор подошла, руку протянула, только не та весовая категория у неё, чтоб меня в автобус втащить. Есть у меня проверенный способ, на коленях по ступеням вползать. А если бы ещё и песню вовремя вспомнить: «Ещё немного, ещё чуть-чуть, последний бой, он трудный самый...» Если бы последний, я бы вспомнила, да, видимо, ещё предстоит сражаться, встать плечом к плечу с братом. Смотрю, и место есть свободное, это хорошо – сидя ехать.

Вышла на своей остановке, точно по канату, руки расставила и иду, балансируя и пропуская спешащих.

«Мне бы только не упасть», – крутится в голове.

Оно и мягко в снегу, да как вставать-то... Лишь одна девушка обернулась, то ли помочь хотела, то ли смотрела, а не пьяная ли вслед ей пробирается. Вышла я на дорожку пошире да и расплакалась, словно скорлупка от сердца оторвалась. Слезы потекли горючие. Благодать Божия! Никто на меня уже и не смотрит, народ то есть, так они, словно зомби, каждый своё задание спешит исполнить. Я и расслабилась, плачу и причитаю: «Братишка, родненький мой! Мы ж с тобой одной крови! Господи, прости! Господи, прости меня грешную! Я ведь от него всю жизнь убегаю, как в детстве...»

Знаешь, хочется гулять. Одиннадцать лет мне тогда было – всего одиннадцать... А кто с братом будет сидеть? Он только проснётся, а я его снова укачиваю... Мне же бегать хочется, с подружками играть. А тут этот орёт, что разорался? Сухой, выспался, есть не хочет... Ничего не понимаю, пусть ещё поспит, только бы не орал. Мама где? По делам ушла... Раньше тоже дела у людей были.

Уже по дороге домой поняла, что меня поразило. Знаешь, всё наносное облетело с него... И он, как в детстве, смотрит чистым взором и ждёт... И я впервые сама в себе, ещё не вслух назвала брата братишкой. Шла и радовалась «со слезами на глазах»: «Живой, живой! Одной крови мы, кому непонятно! Двое нас, двое! Может, и пропавший найдётся?»

Может... Всё в жизни может быть, когда любовь входит в сердце. Ты всю жизнь бегаешь за ней, ищешь, ждёшь, а «она придёт совсем внезапно». Как весной, ломает льды и река потечёт, потечёт...

А мы плечом к плечу! Услышь меня, прохожий! Мы все одной крови, от Адама и Евы. Жизнь предначертана для нас сказочная! Хоть кто-нибудь, кто-нибудь, присоединяйтесь, и плечом к плечу... Плечом к плечу по канату, да над пропастью... Всё в наших руках! Как в Дивеево, в монастыре одна монахиня кричала: «Родненькие мои, посторонитесь, кажделение!»

Это значит, батюшка с кадиллом идёт. А я чувствую, что каждый стоящий здесь для неё родненький!

Родненькие вы мои, ну кто плечом к плечу хочет встать?!

Так, продолжение было, потом послесловие... А дальше... Что загадывать?

На всё воля Божия!

168

